

И. В. Леонов³

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (На примере фольклорных аспектов картины мира)

Картина мира есть у каждого человека, соприкоснувшегося с культурой. Она включает в себя наиболее общие знания о мире, о том, как он возник, устроен и функционирует, какова природа различных элементов мира, как они связаны и взаимодействуют между собой, каково место человека в мире и каков смысл его жизни, есть ли у мира начало и конец и др. Кроме того, картина мира включает компоненты не такого глобального уровня, как космогонические процессы, но значимые для человека и участвующие в оформлении его общего знания о реальности (мама и папа, семья и дом,

домашние животные и сказочные персонажи, детский сад, двор и т. д.). В картину мира также входят ценностно-смысловые аспекты восприятия и переживания бытия, отношение к миру с эτικο-эстетических позиций, его переживание на психоэмоциональном уровне. Все эти компоненты не существуют в сознании во фрагментарном виде, в форме разрозненных и несвязанных идей. Они формируют целостный образ реальности, наши наиболее общие представления о ней. Соответственно, не следует отождествлять с картиной мира только представления космогонического характера (о том, как мир возник, функционирует, куда все движется и пр.) и изображения, отражающие космогонические представления (некие картинки и иллюстрации, вроде плоской земли, покоящейся на трех китах, и т. п.). Это пусть и значимый, но лишь сегмент мировоззрения.

В отмеченном ключе характеризует статус картины мира В. С. Степин, отмечая, что образ мира — «это не только осмысление мира, знание о мире, но одновременно система ценностей, определяющая характер мироощущения, переживания мира человеком, определенную оценку тех или иных его событий и явлений

³ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор 109 научных публикаций, в т. ч.: «„Миры“ макроистории: идеи, паттерны, гештальты», «Новизна в культуре или культура новизны», «Идентичность как навигатор сознания», «Информационно-семиотическая теория культуры» (в соавт.); статей в научных журналах: «Феномен авторской порчи памятников историко-культурного наследия», «Отсутствие как памятник», «„Шрам“ на военном артефакте как свидетель его биографии (с опорой на материалы Военно-артиллерийского музея)», «Символическое „страдание“ артефактов» (в соавт.) и др.

и соответственно активное отношение человека к этим событиям»¹.

«Картину мира» можно определить как *системо-образующий когнитивный комплекс, лежащий в основе общего понимания реальности человеком и обеспечивающий его реакции на средовые воздействия в процессе адаптации. Картина мира определяет весь спектр взаимодействий человека с вмещающей средой и задает основные векторы развития его познавательных способностей*.

Картина мира может носить не только индивидуальный, но и коллективный характер, она может бытовать в группах и на уровне целых культур, при этом преломляясь в контексте социальных страт, субкультур, полов, возрастов и др. Назовем, к примеру, детскую картину мира, которая может существенно варьироваться на разных возрастных этапах развития ребенка (от мамы, как ее эпицентра, к расширению и обогащению всех мировоззренческих параметров); тем не менее детская картина мира — вполне состоятельная, целостная и внутренне логичная структура, позволяющая ребенку жить в этом мире (пусть на ранних возрастных этапах и при помощи взрослых) и взаимодействовать с ним.

Ребенок всегда объясняет мир, и многое в его картине мира возникает без помощи старших. Сведения о реальности, которые получает ребенок, объединяются в его сознании в единую структуру. И в данной структуре многое объяснено не только взрослыми, но и самим ребенком — однако на его уровне развития, в контексте его логики, — но тем не менее объяснено. Также многое получает объяснение в рамках детского социума, культуры детства, где вполне естественную роль играет возрастная, а потому когнитивная, психоэмоциональная, поведенческая и прочая близость ее носителей. Ребенок может объяснить, как устроен мир, может искренне верить, что существует бабайка, Дед Мороз; он может рассказать, каковы границы этого мира, включающего тайные и непостижимые грани, какими персонажами этот мир наполнен, по каким законам функционирует; он может верить в свое и мамин бессмертие, думать, что игрушка живая, что дереву больно, когда его пилят, он может закрывать на ночь дверь в комнате, чтобы туда никто не пробрался, может ждать подарка от Зубной феи, может рассказать, почему снятся сны, и т. д.

Итак, картина мира сопровождает процесс освоения субъектом вмещающей реальности и самого себя как ее элемента, обеспечивает его эффективное взаимодействие с жизнеобеспечивающей средой. Соответственно, с учетом различий между познавательными возможностями тех или иных субъектов, а также конкретно-исторических форм реальности, с которыми им приходилось сталкиваться, с течением времени было накоплено внушительное число картин мира, многие из которых являются «исчерпывающими» и «истинными» для своих создателей, а их возникновение вполне объяснимо, закономерно и поддается изучению.

В этом плане изучение разных картин мира представляет очень интересную исследовательскую область, поскольку образы реальности возникают неслучайно — они отражают определенные условия, к которым приходилось адаптироваться человеку на протяжении истории, а также соответствуют доминирующим практикам познания бытия и уровню их развития (обыденному, магическому, мифологическому, религиозному, научному и прочим формам познания). Отметим, что в основе картин мира, созданных человеком, начиная с древнейшего периода истории, на уровне разных культур и используемых некоторое (порой достаточно долгое) время, существует определенная внутренняя гармония и логика, пусть и не всегда соответствующая современным научным представлениям о мире. В тех или иных историко-культурных ситуациях человек всегда объяснял реальность, и поэтому картины мира могут выступать своеобразным маркером понимания культур, в рамках которых они создавались.

На концептуальном уровне науки о культуре данная проблематика была изучена и сформулирована немецким ученым Освальдом Шпенглером в начале XX века в фундаментальном труде «Закат Европы». В своей работе Шпенглер исходит из того, что мировой историко-культурный процесс — это не единый линейный и унифицированный поток, движение всех культур в одном направлении. История, по мнению Шпенглера, это история жизненных циклов отдельных «культурных организмов», которые рождаются и умирают, уступая место последующим участникам истории. Примечательно, что для каждого культурного организма характерен свой специфический образ реальности или «гештальт», некая мировоззренческая призма, через которую культура смотрит на мир. Ученый писал, что мир один — «различен лишь глаз, в котором и через который осуществляется этот мир»². Одной из главных задач своего исследования О. Шпенглер считал дешифровку картин мира разных культур через использование широкого круга источников (религиозных, мифологических, художественных, научных изобретений, техники, фольклора и многих других), интерпретируя их с позиций того, как они отражают особенности восприятия и интерпретации реальности в соответствующих культурах.

Например, О. Шпенглер считал, что все картины мира можно условно разделить на статичные («мир-как-природа») и динамичные («мир-как-история»). При этом статичные картины мира ученый воспринимал как наиболее распространенные в истории человечества. В нашем случае это картины мира традиционных культур, для которых характерна вписанность в природные ритмики, полностью определяющие образ жизни человека на уровне «годового круга», жизненных и поколенческих циклов. К примеру, данное качество картин мира можно встретить в фольклоре — в частности, в календарной обрядности и орнаментальных формах. Циклические календари служат своеобразным способом «сбрасывания времени» (о чем также пишет

¹ Стетин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. С. 14.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2006. С. 163.

М. Элиаде), через цикл время аннулируется и начинает идти по кругу. Орнаментальные формы также ярко иллюстрируют отсутствие динамики качественных перемен в культурах, которые живут в привычных ритмиках, где все практически неизменно и повторяется из года в год. Именно по этой причине многим носителям картины мира, основанной на динамическом понимании реальности как постоянно преобразующейся, орнаментальные формы фольклора могут быть не интересны, не очень понятны и даже скучны.

Итак, картины мира, будучи когнитивными эпическими центрами культур, связывающими все знание о мире в единое целое, находят свое «отражение» в том, что создается в соответствующих культурах. В таком ракурсе можно утверждать, что фольклор традиционных обществ (комбинируя различные формы познания, в первую очередь обыденное, магическое, мифологическое и религиозное) выступает как «зеркало» мировоззрения, как результат взаимодействия человека с реальностью в определенных условиях. Через фольклор можно «прочитать» образ мира, который в нем зашифрован. Такое видение позволяет воспринимать фольклор как средство отражения, сохранения и *привития* картины мира. Это особенно значимо, если воспринимать фольклор в самом широком смысле этого явления — как образ жизни традиционных культур.

Так, фольклор традиционных обществ достаточно ярко иллюстрирует особенности интерпретации таких мировоззренческих параметров, как время и пространство. Напомним, что время в традиционных культурах, как правило, циклично, а потому в фольклоре много орнаментальных форм, хождений «по кругу», повторяющихся элементов в устном народном творчестве, много устойчивых и, казалось бы, неизменных компонент и пр. В фольклоре существуют определенные инвариантные структуры, которые достаточно часто варьируются (однако инвариант остается неизменным, что также служит маркером устойчивости культур по отношению к изменениям и их склонности к цикличности). Пространственные параметры картин мира в традиционных культурах тяготеют к четким границам, определяемым образом жизни и степенью перемещений носителей культуры. Мир оседлых культур весьма локален и может заканчиваться границами суши и морем-океаном, за которым что-то есть, но это далекий, неосвоенный и легендарный мир, тридевятое царство и т. п. У кочевников в пространственном плане мир несколько шире, однако тоже ограничен сферой распространения самой культуры и некоторыми знаниями о ближайших землях и соседях. Кроме того, мир получает членение не только по горизонтали, но и по вертикали, рождая, как правило, представление о трех слоях реальности (верхнем, срединном и нижнем).

Значимым компонентом традиционных картин мира, ярко проявляющим себя в фольклоре, является основная ритмика, которая определяет образ жизни человека, либо ритмика, наиболее очевидная для него. В традиционных культурах это природно-климатические циклы, которые наиболее ярко определяют земледельческий или кочевнический (кочевой) образ жизни. Особую значимость в данном случае играет ритми-

ка « годового круга », выраженная в смене времен года, месяцев, движении астрономических объектов, в изменении состояний флоры и фауны, и т. д. В культурах, вписанных в данные ритмики, под них подстраивается весь образ жизни, обрядово-ритуальная сторона, семейно-бытовые, праздничные и другие аспекты (вплоть до мелочей, скажем, обрядов встречи и проводов животных, птиц и насекомых, например божьих коровок).

Для традиционных картин мира (что находит яркое отражение и в фольклоре) характерна особая ценностно-смысловая сторона. Так, значимость приобретает мир природы, куда человек оказывается вписан на уровне ее органичной части. Мир, как правило, предстает как возникший естественным образом или созданный в результате творения (что встречается реже), однако функционирующий по определенному канону, — в таком мире все повторяется. А значит, смысл жизни заключается в том, чтобы этому канону соответствовать и участвовать в вечном круговороте жизни. В традиционных формах мировоззрения человек себя миру не противопоставляет, не пытается доминировать над ним. Напротив, человек воспринимает мир как глубоко одухотворенный, наполненный разными сущностями и персонажами. Смысл жизни выражается в том, чтобы прожить ее правильно, так как надо, согласно принципу повторения, движения всего по кругу — родиться, вырасти, завести семью, быть частью коллектива, родить и воспитать детей, дожидаться внуков и, если повезет, правнуков и отойти в иной мир, оставив по себе добрую память.

В психоэмоциональном плане человек традиционных культур более склонен к духовности, иррациональности, смирению и созерцательности, к спокойному принятию естественного хода жизни. В картинах мира таких культур чувствуется выраженная связь с прошлым, определенная (порой достаточно яркая) направленность на отрицание перемен, на неизменность уклада, на восприятие того образа жизни, который установился за долгое время, как правильного.

Раскрывая данный вопрос, отметим, что параметров картин мира достаточно много, и они так или иначе находят свое отражение в фольклоре. Отметим, например, так называемый зооморфный код традиционных культур, имеющий глубочайшую укорененность в сознании человека еще с первобытной эпохи и сохраняемый во многих культурах вплоть до современности, особенно на уровне культуры детства. С самых ранних времен, взаимодействуя с миром, человек делал особый акцент на природном ландшафте, флоре и фауне. С учетом того, что традиционные культуры полностью вписаны в природно-климатические ритмики, отметим, что животные, растения и природные объекты (реки, озера, леса, горы и пр.) выступали как значимые персонажи реальности. Указанные персонажи наделялись смыслами и «оживлялись», после чего человек мог с ними «общаться».

Если вернуться, в частности, к «зооморфному коду», отметим, что животные были для человека порой такими же, как и он сам, весьма близкими персонажами. С одной стороны, животные обретали многие

человеческие характеристики, с другой стороны, сам человек воспринимал различные качества животных с почитанием и восхищением, стараясь перенести их на себя. Освоение мира шло через «общение» с животными, либо сама близость к животным, сильная зависимость образа жизни и выживания от животных глубоко интегрировали их образы в мировоззрение традиционных культур. Через образ животного, его имитацию, перевоплощение в животное люди осваивали мир и познавали его. Интересным примером в данном случае выступает то, что для ребенка вхождение в мир культуры, в мир людей на определенном этапе весьма успешно осуществляется через образы животных, которые ведут себя как люди. Данные аспекты очень ярко проявляются в фольклоре, насыщенном образами хищных и домашних животных, с которыми человек взаимодействует, общается и в которых перевоплощается. При этом само животное может вести себя как человек, может принять антропоморфный или антропо-зооморфный облик. Трудно представить себе фольклор без Царевны-лягушки, Жар-птицы, Курочки Рябы, коровы Буренки, семерых козлят, волка, который служит царевне, ученого кота, мышки-норушки, Змеи Скоропеи и других персонажей, через которых мы в детстве осваивали родную культуру и через которых передадим многое ее аспекты своим детям.

На протяжении ноогенеза (процесса развития знания) различные практики познания поочередно возникали, изменялись и обогащались. Так, формировались магические, мифологические, религиозные, научные, художественные, обыденные практики познания, принимавшие на том или ином этапе истории, а также в пространстве разных культур доминирующие формы. Примечательно, что в ходе ноогенеза разные практики познания не вытесняли друг друга, а наслаивались подобно годовым кольцам, образуя сложные системные сочетания старого и нового, архаического и актуального знания. В рамках определенных картин мира данные практики, сосредоточившись на различных гранях реальности, могли не пересекаться. В свою очередь, имея точки пересечения, они могли проявляться на уровне молчаливого сосуществования. Порой названные практики дополняли друг друга, говоря об одном и том же, но на разном языке. Кроме того, они могли противоречить друг другу, рождая внутренние мировоззренческие несоответствия.

В нашем случае важно то, что разные практики познания реальности развиваются неравномерно. Помимо того, что каждая из них имеет собственный язык (скажем, язык формул в математике и метафор в искусстве), они объясняют реальность, не покрывая ее полностью ровной пеленой толкований всех ее граней и глубин. В результате каждая из практик оказывается в чем-то сильнее, а в чем-то слабее по отношению к остальным. Например, художественное и религиозное переживание бытия имеет выраженный потенциал

в сфере духовно-нравственного воспитания по отношению к его исключительно естественно-научной интерпретации. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что *многие аспекты донаучных познавательных практик реальности, которые носят «устаревший» характер по причине ненаучности некоторых из их сторон, могут быть вполне востребованными и актуальными.*

Когнитивный опыт разных культур, накопленный с течением времени и вплетенный в их образы мира на языке различных практик познания, являет собой *ценность* и может быть представлен как *объект нематериального культурного наследия*. Подчеркнем, что речь идет не обо всем накопленном опыте и не об обосновании истинности всех картин мира и практик познания с позиций современной науки. Речь о том, что в разных ноогенетических пластах мировоззрения могут содержаться знания, которые не утратили актуальности вплоть до настоящего времени. В указанных пластах есть как минимум историко-культурная ценность, то, что можно отнести к сфере культурной памяти и самоидентификации носителей соответствующих культур.

Итак, в настоящее время мы можем утверждать, что *картины мира, включая их традиционные формы, вполне могут выступить объектом нематериального культурного наследия*. Это образы реальности, которые формировались в течение долгого времени, отражая те условия, которые их породили. Они эффективно влияют на сознание носителей соответствующих культур, сохраняя и транслируя важные компоненты «культурного кода». Повторим, речь идет не обо всех гранях картин мира прошлого, поскольку многие их аспекты безусловно устарели либо получили интерпретацию в разных формах познания. И все же в традиционных картинах мира содержатся компоненты, имеющие явную значимость и в наши дни, в первую очередь в сфере духовно-нравственного воспитания, сохранения сакральных ценностей, смыслоизменных установок и поведенческих стереотипов, а также другие ценностно-смысловые грани постижения реальности и отношения к ней.

В российском мировоззрении, включая его общенациональный уровень, этнокультурное богатство и региональные аспекты, воплотился огромный опыт освоения и интерпретации бытия, органично отражающий те условия (исторические, культурные, политические, социальные, природно-климатические, ландшафтные, деятельностные и др.), в которых осуществлялся и осуществляется генезис отечественной культуры. Соответственно на современном этапе истории России значимой задачей является сохранение и культивация *долгого мировоззрения*, формировавшегося в нашей культуре на протяжении более чем тысячелетнего периода и сохраняющего связь с разными пластами нашего историко-культурного опыта.